

ПРЫЖОК *через* РЕКУ

УБЛЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Вторая часть трилогии
«ПИРОЖОК», в которой вы
поймёте, что ошибались насчёт
булочки

18+

Лев Чернец
«Пирожок». Книга 2.
Прыжок через реку УБЛЯ

<https://litres.ru/74284478>

SelfPub; 2026

Аннотация

Год назад я спустился в коллектор и съел чудище. Вместе с ним я похоронил и себя.

Теперь я — самый быстрый курьер в городе. Спортбайк, встреча, красный свет, на который мне плевать. Я ничего не чувствую. Я просто еду.

Но прошлое не отпускает. Телеграмма зовёт в «Яр». А где-то там, в аномалии под названием «Молога», меня ждёт рыжий хвост.

Похоже, от этого не уйти. Мне придётся вспомнить, кто я такой. И ответить на главный вопрос: человек ли я ещё?

Содержание

Глава 1 Самый быстрый на базе	4
Глава 2 Колбаса моя	9
Глава 3 Не как все	14
Глава 4 Don't worry, be happy	20
Глава 5 Пропуск больше не нужен	30
Глава 6 Живи быстро, умри молодым	34
Глава 7 Зеркало	39
Глава 8 Архитектура мира	46
Глава 9 Бро-мобиль и его тайны	52
Глава 10 Глава категории «С»	61
Глава 11 Ухожу в штопор	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

«Пирожок». Книга 2.

Прыжок через реку УБЛЯ

Глава 1 Самый быстрый на базе

Спидометр ушел на 160.

Ветер бил в грудь, но я не чувствовал холода. Я вообще ничего не чувствовал. Только асфальт, который летел под колёса с бешеной скоростью, и красный свет светофора, на который мне было плевать.

Я пролетел перекрёсток за секунду до того, как поток сомкнулся за спиной. Кто-то засигналил, кто-то заорал. Кто-то высунулся из окна и показал жирный палец — наверное, мужик в возрасте, у которого геморрой и давление, и он сейчас приедет домой и будет рассказывать семье про дебила на мотоцикле, а все будут кивать, как будто слушают.

Не важно.

Я не обернулся.

Спортбайк рычал подо мной, как живой. Единственная тварь в этом городе, которая меня понимала. Я взял на него кредит в первый же месяц после возвращения и выплатил за три. Раньше я бы копил год. Раньше я бы боялся ездить быстрее шестидесяти. Раньше я бы думал о том, что будет с мамой, которая меня где-то родила, если я разобьюсь.

Теперь-то я знал, что мамы нет. И папы нет. И брата нет. Впрочем, брат был.

Просто я его съел.

Я сбросил газ, входя в поворот, и колено чиркнуло по асфальту. Искры брызнули в стороны и погасли. Красиво по-своему.

Страх умер в коллекторе. Вместе с Сергеем. Вместе с червями. Вместе со всем, что делало меня человеком.

Иногда, в редкие минуты — обычно перед сном, когда мозг ещё не отключился, но уже не контролировал картинку, — я видел его лицо. Руку, которая тянулась ко мне не затем, чтобы ударить, а чтобы коснуться.

«Сёма... Брат...»

Я открывал глаза, и видение исчезало. Не потому, что я прогонял его. Просто оно само знало, что ему здесь не место.

А дядя Марк — убийца моей семьи и создатель моего брата-монстра — растворился в воздухе с запахом горелой зажигалки. Ну что ж. Мы обязательно встретимся. И кто-то снова умрёт.

Заказ доставлен.

Пятнадцать минут от ресторана до клиента. Никто в городе не возил быстрее. Никто в городе не возил на спортбайке.

Я накинул термосумку на плечи и рванул обратно.

База встречала меня запахом дешёвого кофе.

Стены обиты рейками ПВХ, которые нехотя имитировали дерево. Лампы зудели, так же как и голоса сотрудников. Кто-

то сдавал заказы, кто-то брал новые, кто-то ржал в углу.

Я вошёл, и гул на секунду стих. Так было всегда.

— Зайцев! — Боря, старший смены, махнул рукой из-за стойки. — Опять рекорд. Пятнадцать минут до Южной. Там пробки на въезде, ты как вообще?

— По встрече, — сказал я и кинул пустую сумку ему на стол.

Боря хохотнул и покачал головой. Он был из тех, кто смеётся надо всем, даже когда не смешно. Может, поэтому он дольше всех работал на базе и не увольнялся, как другие.

— Тебе премию выписали, кстати. Ты один у нас такой... Гонщик! — Боря снова захохотал, на этот раз над собственным произношением.

Премия — это хорошо. Премия — это бензин. Бензин — это скорость. Такая вот цепочка.

— Извините, — раздался голос сбоку.

Я повернул голову. Рядом стоял парень. Молодой, лет семнадцать, с прыщавым лицом. Новичок. Я видел его пару раз, он всё время ошивался у входа, ждал заказы попроще, боялся брать дальние.

— Вы Зайцев, да? — спросил он, и голос у него дрогнул на «да».

— Допустим.

— Мне сказали... вы легенда. Гоняете на спортбайке. По встрече. Ни разу не попались. Это правда?

Я посмотрел на него. Он был похож на меня год назад.

Такой же дёрганный. Такой же испуганный. Такой же... живой.

— Правда, — сказал я. — Но тебе не советую. Умрёшь.

Новичок моргнул. Посмотрел на Боря, будто ища поддержки, но Боря ржал, откинувшись на стуле.

— Слышь, Паша? — крикнул Боря сквозь смех. — Ты умрёшь! Ахахах!

Новичок побледнел и попятился к двери. Кажется, захотел уволиться.

Я прошёл дальше. К стойке администраторши.

Маша. Девушка с короткой стрижкой, проколотым носом и взглядом исподлобья, который означал: «Я работаю всего два месяца, но вы меня заколебали! Просто пристрелите, я больше не могу».

— Зайцев! — она подняла глаза. — Ты сегодня рано.

— Заказов мало, — сказал я.

— А может, ты просто решил зайти ко мне? — она говорила это с тем же взглядом исподлобья, который, видимо, был её единственным доступным выражением лица. — Я на работе до восьми. Покатаешь потом?

Она была красивая. Альтернативно красивая.

Она хотела внимания, хотела драйва, хотела, чтобы в её жизни случилось что-то, о чём можно будет помнить в старости.

— В восемь, — кивнул я.

Она улыбнулась и поправила чокер. Маша была из тех девушек, кто любил что-то на своей шее.

Я расписался в журнале и вышел.

Глава 2 Колбаса моя

Общага встретила запахом бэпэшек, а не щей. Запах, на котором, казалось, было построено само это здание.

За год ничего не изменилось: та же трещина на потолке в коридоре, та же хлорка из туалета, та же вечная лампочка, которая моргала, но не гасла — из упрямства, наверное.

Я толкнул дверь в комнату.

Стас сидел на моей кровати.

Он всегда сидел на моей кровати, когда меня не было. Раньше — чтобы показать, кто тут главный, теперь, наверное, чтобы убедить в этом самого себя. Увидел меня — настороженно подскочил.

— О, Зайцев! — он попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривая. — Я тут это... презервативы искал. У тебя же есть.

— Нет.

— Ну да, откуда у тебя.

Я скинул кроссовки. Кстати, можете поздравить — я купил новые кроссовки. Стил — без дырок.

Над кроватью висела фотография — приклеенная к обоям. Двое пацанов на крыльце. «Серёжа и Сёма. Май 1991». Я прицепил её туда сразу, как вернулся из Яра. С тех пор не трогал.

Стас тем временем мялся у ширмы.

— Слышь, Зайцев, — начал он наконец. — Давно хотел спросить. Говорят, ты тем летом то ли в секте был, то ли в психушке. Я-то всем говорю: «Да нормальный он. Терпила терпилой, но нормальный».

Он кашлянул.

— Что теперь?

Стас хмыкнул и расправил плечи — движение, подсмотренное в каком-то фильме про бойцовский клуб. Только у Стаса плечи расправились как-то неравномерно: левое ушло вверх, правое вниз.

— Да ничего. Просто было бы о чём говорить. Я вот вчера такое вытворял — тебе и не снилось.

— Мне вообще ничего не снится.

— А ты послушай дядю Стаса, может присниться! Есть у меня одна... Со свистом её гонял. Понял? Она сказала, у меня самый огромный член из всех, кого она знала. А она знала многих, уж поверь.

Он сделал паузу, которая должна была дать мне время осознать масштаб.

— Говорит: «Стас, ты машина». А я что? Я такой. Мне стараться не надо. Потом я ей в раковину нассал для профилактики. Гуляй, говорю, родная. Свободна.

Он приосанился, посмотрел на меня — ожидая реакции. Реакции не было.

— Ладно, Зайцев, скучный ты. Пойду я. Дела.

Он вышел за дверь.

Душевая. Зеркало. Зубная паста.

Я выдавил её на щётку. Она была похожа на червя.

Я поднёс этого червя к зубам.

Задумался.

Сунул червя в рот.

Щётка ходила туда-сюда, туда-сюда. Белая пена в уголках рта. Пустые глаза.

Загудел телефон.

На экране: Катя.

Я смотрел, как вибрировал корпус.

Ждал, пока она сбросит.

Она сбросила.

Пришли сообщения:

«сём, привет

как ты?

может в лагерь?

скоро смена

скупаю по всем

и по тебе ##»

Ангелочек в конце улыбался, не понимая вообще ничего.

Палец завис над экраном. Я мог бы ответить «Ок». Или «Нет». Или смайлик. Мне было всё равно, что она подумает.

Я просто выключил телефон и бросил его на полку.

«Скупаю по тебе».

Интересно, по кому она скучала? По тому парню, который обнимал её у пруда, перепачканный малиной?

Того парня больше нет.

Я сплюнул пасту в раковину. Прямо туда, где у слива желтели какие-то подозрительные капли.

Кухня.

Желудок требовал еды.

Стас стоял у холодильника. Он не слышал, как я подошёл. Он вообще редко слышал что-то, кроме собственного голоса.

Он открыл дверцу. Достал мою колбасу. «Краковскую», в натуральной оболочке. Я купил её вчера в супермаркете, ждал, пока какая-то старуха в очереди полчаса пересчитывала мелочь.

Стас поднёс колбасу ко рту, чтобы откусить прямо так, без хлеба, по-свински.

Раньше я бы промолчал. Раньше я бы сделал вид, что не заметил. Раньше я бы просто купил новую, а эту записал в графу «потери».

Теперь — нет. Теперь потери обрели свойство возвращаться. Или я приобрёл свойство их возвращать.

Моя рука метнулась сама.

Нож вылетел с тихим шелестом. Хороший нож. Кухонный. Точёный.

Лезвие чиркнуло по воздуху и вошло в колбасу с влажным хрустом.

— ААААА! — Стас заорал так, будто нож вошёл не в колбасу, а в его руку.

Колбаса дрожала на лезвии. Нож пригвоздил «Краковскую» к доске, висевшей на стене.

Стас смотрел на колбасу. Потом на меня. Глаза у него были круглые. Он понял главное — не то, что я псих, а то, что если бы я хотел попасть в него, я бы попал в него. Нож прошёл в сантиметре от его пальцев, и он знал это, чувствовал холод металла кожей.

— Колбаса моя, — сказал я.

Стас кивнул. Быстро-быстро, как болванчик. Потом вылетел за дверь, и я слышал, как его шаги стихали в коридоре.

Я вытащил нож. Колбаса осталась на нём — проткнутая, но целая. Я отрезал кусок. Пожевал. Вкуса не было. Только сопротивление зубов и тихий хруст шкуры, как будто жуёшь собственный онемевший палец.

Когда-то я любил «Краковскую». Маленьким, в детдоме, мечтал, что когда вырасту — куплю целую палку и съем один. Ни с кем не делясь.

Мечты сбывались.

Глава 3 Не как все

Восемь вечера.

Маша ждала у входа в базу. Она успела переодеться — не то чтобы сильно, но достаточно.

Короткая чёрная юбка, колготки в сетку и тяжёлые ботинки на шнуровке. Сверху — косуха с нашивками. Нашивки были дурацкие: «лягушонок Пепе», «Я НЕ МИЛАШКА, Я ПИКМИ», «Just one of the guys» — последняя, видимо, для тех, кто понимает по-английски. Припухшие веки, мягкая линия подбородка, рот, который она постоянно трогала языком изнутри — из-за этого губы блестели влажно и чуть приоткрывались, как будто она всё время собиралась что-то сказать, но в последний момент забывала.

— Ну чё, гонщик, — она улыбнулась, и в улыбке этой было что-то голодное. — Прохватим?

Я кивнул и протянул ей шлем. Она покрутила его в руках, поморщилась.

— Фу, он вонял дедом.

— Это мой.

— Тогда норм.

Она надела шлем, ловко забралась на сиденье сзади. Руки обхватили меня цепко. Я почувствовал тепло её тела через куртку. Я повернул ключ.

Байк зарычал.

— Держись, — сказал я.

— Я всегда держуу... — не успела договорить она.

Мы рванули с места.

Ветер ударил в лицо, город расплылся огнями. Маша заорала — не от страха, а от того избытка жизни, который вдруг поднялся в ней и требовал выхода. Крик был высокий, и ветер рвал его в клочья, унося назад, в темноту.

Я вжимал газ. Стрелка спидометра поползла вправо. Сто сорок. Сто шестьдесят. Двести. Маша орала всё громче, и её крик сливался с рёвом мотора, с шумом ветра, с пульсом, которого у меня, казалось, не было.

— Туда! — крикнула Маша.

Мы вылетели на окружную. Город кончился, начались промзоны, пустыри, тёмные коробки складов. Мы свернули к торговому центру посреди пустоты.

Парковка — огромное асфальтовое море, уходящее в темноту. Мы остановились на дальнем краю, где даже днём никого не было. Только стайка подростков на скейтах в другом конце, метров за двести. Они катались под фонарём и слушали музыку из колонки.

Я заглушил мотор.

Маша слезла с сиденья. Стянула шлем. Распушила волосы. Чёрные, с синими кончиками, крашеные. Крашеные волосы — это всегда заявка. Это всегда: смотрите на меня. Это всегда: я хочу быть кем-то другим, но могу только перекрасить волосы. Она потрянула головой — жест, подсмотренный

в рекламе шампуня. Только в рекламе волосы разлетаются медленно, как под водой. У неё — дёрнулись и повисли.

— Охренеть, — выдохнула она. — Ты псих.

— Ты просила покататься.

Она отошла на несколько шагов.

Встала в свете фары. Свет был резкий, безжалостный — такой свет высвечивает всё: капельки грязи на обуви, синяк на колене, происхождение которого она уже не вспомнит. Она постояла секунду, глядя на меня, как в холодную воду. Потом начала двигаться.

Она начала танцевать.

Не для меня.

Она танцевала для себя — но для той себя, которой ещё не было. Для той женщины, которой она хотела бы стать. Женщины, которая знает, чего хочет, и берёт это. Женщины, чьё тело — инструмент, а не обуза.

Она двигалась угловато. Бёдра качнулись влево — удар. Вправо — уже мягче. Это было завораживающе, будто химический эксперимент.

Руки поползли вверх. По бёдрам. По талии. По рёбрам. Пальцы цеплялись за одежду.

Косуха сползла с плеч. Косуха — это защита. Косуха — это «Со мной не надо нежно, я выведу». Под косухой она была в белой майке с аниме-девчонкой. Аниме-девчонка таранилась нарисованными глазами — огромными, как два яблока.

Майка была ей мала. Ткань натягивалась на рёбрах, и в свете фары было видно, как напряжённые соски проступали сквозь неё. Соски не умеют врать. Сиськи встали колом — маленькие, а колом. Она знала, что я это вижу. Возможно, именно поэтому она продолжала.

Она расстегнула юбку. Та упала на асфальт. Под ней были только колготки в сетку. Дешёвые, с затяжками на коленях — следы предыдущих падений. Трусов не было. Совсем. В свете фары это было видно сразу, со всей анатомической честностью. Всё сбрито. Она готовилась к этому моменту, даже если не знала, когда он наступит и с кем.

Она повернулась спиной и наклонилась. Медленно. Позвонки проступили под кожей — ряд маленьких холмиков, как чётки. Сетка колготок натянулась на ягодицах, и в свете фары было видно всё — каждую линию, каждую тень. Она провела ладонями по бёдрам — жест, который в её исполнении означал: смотри, это пока моё, но я готова отдать, если возьмут. Кому? Неважно. Лишь бы взяли.

Она выпрямилась. Обернулась через плечо. Лицо было сосредоточенным. Глаза блестели в свете фары. Зрачки расширены. Губы приоткрыты. Влажные. Она облизала их, но слюны было мало, и они блестели только в уголках.

— Ты красивая, — сказал я. Не для того, чтобы сделать комплимент, а просто потому, что это была правда, а правду иногда стоит произносить вслух.

Она нагнулась, подняла юбку. Надела.

— Зайцев, я типа не ищу глубокий смысл в каждом пуке.
— Она облизнулась. — У меня дэй офф. Дома никого. Есть алко, можно текилой закинуться, если хочешь вайбнуть. Поехали?

Она улыбнулась. В этой улыбке не было ничего романтического. Только желание заполнить пустоту внутри себя кем-то, кто не задаёт лишних вопросов. Я узнал этот голод. У меня был такой же.

— Поехали, — сказал я.

Она хлопнула в ладоши и вдруг брови сошлись к переносице.

— Блин, подожди сек. Мне надо в дамскую. Тут где-то туалет был, я быстро.

Она огляделась, заметила синюю кабинку у края парковки и побежала туда, смешно перебирая ногами в тяжёлых ботинках. Подошвы стучали по асфальту: бух-бух-бух.

Я остался один.

Недалеко притормозила тойота.

Я прислонился к байку. Достал плеер. Повертел в руках. Он легонько вибрировал. Я не включал его уже год, но я всё равно таскал его с собой — в кармане.

Простак на скейтах катались в дальнем углу, под фонарём, который мигал. Девчонка в розовой толстовке смеялась, парень поднимал её с асфальта, и они целовались. У них был свой мир. Маленький, уютный, с колонкой, из которой орало что-то тяжёлое.

Ветер гнал по асфальту пластиковую бутылку.

Дверь тойоты открылась. Вышли двое.

Они шли прямо ко мне.

Один хромал. Левая нога волочилась, ступня выворачивалась наружу при каждом шаге.

Второй держал голову неестественно прямо, будто проглотил арматуру. На шее белел воротник, с дырочками для вентиляции. Такие носят те, кто больше никогда не сможет повернуть голову.

Я узнал их. Не сразу — пришлось пролистать назад память.

Переулок. Год назад. Бомбер и белые кроссовки. Шприц с молочной жидкостью. Хруст костей.

Те двое.

Они нашли меня здесь.

— Ты, — прохрипел тот, что в воротнике. Голос у него был сдавленный. — А мы тебя искали.

Хромой ничего не сказал. Просто достал из-за спины монтировку. Тяжёлую. С засохшей кровью на конце. Или это была краска. Какая разница.

Я посмотрел на них. Потом на биотуалет, где скрылась Маша. Потом на подростков, которые ничего не замечали.

Лучше бы вы не приходили.

Глава 4 Don't worry, be happy

— У нас к тебе разговор есть, — сказал Хромой и перехватил монтировку. На изоленте, которой была обмотана железка, отклеился краешек, и он машинально прижал его большим пальцем. Видно было, что этот лоскуток донимал его уже давно, и Хромой всё собирался обновить обмотку нормальной синей лентой, но руки так и не дошли.

Дверь биотуалета хлопнула.

— Фу, там просто смерть, — сказала Маша, выходя и застёгивая юбку. — Вы чего так долго? Я думала, вы раньше подъедете.

Она смотрела на них. На Хромого и Воротника. Как на старых знакомых.

Внутри у меня щёлкнуло. Не сердце — оно молчало уже год.

— Эй, подруга, — прохрипел Воротник. — Мы договаривались в безлюдном месте.

— Отвали, — оборвала Маша. — Я свою часть сделала. Деньги на карту скинь.

Она достала сигарету из кармана куртки, затянулась.

— Ну вы будете драться или что? Кто меня домой повезёт?

Я ничего не ответил. Я смотрел на Воротника. Он нервничал. Дёргал головой, как лошадь. И его воротник сполз на-

бок — эти штуки всегда сползают, у них липучки слабые.

Маша замерла. Рот приоткрылся. Сигарета выпала из пальцев и покатилась по асфальту, рассыпая искры.

Под воротником открылись жабры.

Три влажные, розовые щели. Они пульсировали в такт его дыханию. Открывались — закрывались. Открывались — закрывались.

— Это... это что за херня? — голос Маши сел на самом интересном месте. — Это что такое?

Воротник попытался прикрыть шею рукой, но было поздно. Пальцы наткнулись на влажную плоть, и он отдёрнул их, будто обжёгся. Жабры продолжали двигаться. Им было плевать, что кто-то смотрит. Они жили своей жизнью. Эка невидаль.

— Зайцев... — прошептала Маша. — Кто они такие?

Голос у неё сел. Она смотрела не на Воротника — на меня. Ждала, что я скажу: «Показалось», «Бывает», «Ща разберёмся». Я молчал.

— Тот год помнишь? — прохрипел Хромой. — Ну вот, сегодня твоя очередь ломаться.

Он замахнулся.

Я видел, как монтировка пошла по дуге. Тяжёлая, ржавая, с засохшей краской или кровью.

Хруст.

Ключица сломалась со звуком пластиковой игрушки. Рука повисла соплёй. Я упал на колено. Асфальт был холодный и

мокрый. Пах бензином и ночным дождём, которого не было.

Боль пришла — но где-то в соседней комнате. Где-то на периферии тело орало: «Беги!», а я залип на асфальт и думал о коровах. Когда у них мастит, им больно, и они просто терпят, потому что так надо? Доярка там что-то шепчет, гладит по боку... А корове плевать. Она, наверно, просто хочет, чтобы её оставили в покое. Как и я сейчас.

Хромой смотрел на меня сверху вниз. Глаза расширены.
— Нравится? — прохрипел он.

Я попытался встать. Рука не слушалась. Висела, будто пришитая наспех.

Хромой замахнулся снова.

Удар!

Я понял, что уже лежу на асфальте. Затылок разбился. Что-то тёплое текло по шее за шиворот, щекотно и мокро.

В голове гудело.

Я правда не хотел этого!

Я сунул руку в карман. Пальцы нащупали плеер. Достал.

Я не включал его почти год. Я уже прочитал, какой трек будет следующим.

Откинул крышку. Кассета Евграфыча была внутри. Наушник — в ухо.

Нажал Play.

Лёгкий свист. Счастливый голос.

«Don't worry... be happy...»

Я посмотрел на Хромого. На его монтровку. На его на-

пряжённые руки.

Я поднялся.

Хромой замер с занесённой монтировкой. Смотрел на меня, точно на восставшего мертвеца.

— Ты... ты чего?

— Будь счастлив, сучка, — сказал я. — Продолжим.

Пальцы шевелились — я видел, как они дёргались, — но поднять руку не мог. Нервы работали, мышцы нет. Или наоборот.

Из плеча торчала кость. Я посмотрел — она была некрасивая. Тесто изнутри меня опутывало её серыми прожилками. Оно начало шевелиться, разбуженное ударом.

Хромой смотрел на мою кровь. На мой наушник. На серые тестяные щупальца, которые уже выползали из раны, как маленькие змеи. Его лицо бледнело. Монтировка задрожала в руке.

Я сделал шаг к нему.

Он ударил снова. В грудь.

Рёбра хрустнули. Три или четыре — я не считал. Воздух вышел из лёгких со свистом, как из проколотой шины. Я отлетел назад и упал на спину. Затылок снова стукнулся об асфальт. Звёзды в небе дёрнулись и поплыли.

Небо было чёрное, с редкими точками. Одна звезда мигала — может, самолёт. Может, спутник. Красиво.

Тесто работало медленно. Я чувствовал, как оно выполняло из ран. Сжималось и расширялось. Становилось новой

костью. Хруст, хруст, хруст.

Это было мерзко. Даже мне.

Всё это время я лежал и не мог пошевелиться. Десять секунд. Пятнадцать. Двадцать. Вечность. Любой мог подойти и добить. Пнуть ногой в голову. Вонзить нож. Выстрелить. Но никто не подошёл.

Хромой стоял в трёх шагах и смотрел. Воротник — прижавшись к «Тойоте». Его жабры хлюпали часто-часто. Он дышал, как рыба, которую выбросили на берег и забыли добить.

Они смотрели, как я медленно вставал.

Это было страшнее любой атаки. Я видел это по их лицам.

Тяжело. Как корова после отёла — сначала колени, потом руки, потом спина. Мир качнулся и встал на место.

— Ты... ты что за херня? — прошептал Хромой.

Я перевёл взгляд на боковое зеркало «Тойоты». Увидел своё лицо. А за моим плечом, в том же осколке, стоял кто-то ещё. Выше. Шире. С изломанными плечами. Он смотрел на меня — и я смотрел на него. Я моргнул. Зеркало показывало только меня.

— Я съел своего брата, — сказал я ровно. — Живьём. Он был старше. Сильнее. Он был Спрингером. Он теперь здесь, с нами.

Я коснулся груди. Там, где у людей билось сердце. У меня там было тихо. Только тесто. Только боль, которую я не чувствовал.

— Хотите проверить, съем ли я вас?

Воротник вжался в «Тойоту». Его трясло. Крупной дрожью, как в лихорадке. Жабры сжались и спрятались под воротник, будто пытались забиться поглубже.

Хромой выронил монтировку.

— Мы... мы не знали...

— Теперь знаете.

Я подобрал монтировку и воткнул её в асфальт рядом с собой. Как флаг. Мой флаг.

Трек кончился. Плеер сам отщёлкнулся.

— Где Корсак?

Воротник моргнул.

— Кто?

— Корсак. Мужик в пальто. Учёный.

Хромой переглянулся с Воротником, понимая, что их спрашивают о чём-то важном, а они не знают ответа.

— Мы не знаем никакого Корсака, — прохрипел Воротник.

— Кто нанял вас тогда?

Хромой прижал рукой одну жабру.

— Бармен из наливайки. Сказал — есть дело. Дал шприц. Сказал — догони курьера, вколи, получишь деньги. Мы же не спрашивали. Нам просто заплатили.

— Что за наливайка?

— В Ночных Рядах. «Стоячка». Там недорого и бутерброды...

Бутерброды. Они ели бутерброды, а потом взяли шприц и поехали убивать человека. Даже не человека — просто курьера. Интересно, они обсуждали это за едой?

— Езжайте туда. Сейчас. Выясните, кто дал заказ бармену. Потом найдёте меня и расскажите.

— Как это? — не понял Воротник.

— Это так, что вы теперь моя собственность, — я понизил голос. — А я страшнее всего, что вы видели. Молитесь, чтобы никогда не узнать, насколько.

Воротник перестал дышать. Хромой замер с открытым ртом, и я видел, как его кадык ходит вверх и вниз.

Никто не двигался. Даже ветер, кажется, затаился.

Я ждал. Я давал им время. Пусть прочувствуют. Пусть поймут, что это не пустая угроза, которую можно забыть за бутылкой в «Стоячке». Это их новая реальность.

— За работу! — сказал я наконец.

Их будто выдернули из ступора. Воротник дёрнул дверцу «Тойоты» так, будто за ним гнались, — хотя я стоял на месте. Хромой попятился, озираясь. Дверца хлопнула. Двигатель закашлял. «Тойота», мигнув ближним, укатила в темноту.

Я повернулся к Маше.

Она стояла у биотуалета. Не убежала. Чисто инсталляция современного искусства: «Девушка у сортира на фоне насилия». Глаза мокрые, тушь потекла, но взгляд — крепкий. Так жертвы не смотрят.

— Садись, — сказал я, ковыляя к байку.

Она молча подошла. Надела шлем. Забралась на сиденье. Руки обхватили меня — цепко, но без тепла.

Я завёл мотор.

Подростки всё ещё катались в дальнем углу парковки. Девчонка в розовой толстовке смеялась. Парень держал её за талию. Они ничего не видели. У них был свой мир. И слава богу — как сказали бы набожные.

Я выжал газ.

Мы ехали молча. Город расплывался огнями. Маша прижималась ко мне — не от страсти, от страха. Я чувствовал, как дрожали её пальцы на моей куртке. Мне было всё равно.

Её дом — панельная девятиэтажка. Я заглушил мотор у подъезда. Она слезла, стянула шлем. Волосы растрепались, тушь размазалась, под носом блестела влажная дорожка. Она смотрела на меня снизу вверх. В глазах инстинкт древний, как мир. В любой непонятной ситуации — спариваться.

— Зайдёшь? — спросила она. Голос дрожал, но она пыталась сделать его игривым. — Кофе выпьем. Или... что-нибудь ещё.

Я смотрел на неё. На её губы — обветренные, с остатками помады. На её шею — тонкую, с чокером.

— Ты правда думаешь, что я буду тебя трахать?

Она моргнула. Инстинкт дал сбой.

— Ну... я думала... мы же...

Она молчала. Короткое замыкание где-то в древней проводке.

— Ты никому не расскажешь о том, что видела. Ни знакомым. Ни полиции. Никому. Потому что если расскажешь, я убью тебя. Я знаю, где ты живёшь. И я умею делать так, чтобы было больно. Изобретательно больно. Ты поняла?

Она кивнула. Слёзы потекли — молча, без всхлипов. Капали на асфальт, смешиваясь с грязью.

— Повтори.

— Ты... ты убьёшь меня. Если я расскажу.

— Изобретательно.

— Изобретательно, — повторила она шёпотом.

Я надел шлем.

— Иди домой, Маша. И делай вид, что ничего не случилось. Увидимся на работе.

Она развернулась и пошла к подъезду. Ботинки стучали по асфальту — бух-бух-бух. На полпути она споткнулась, чуть не упала, но удержалась. Не обернулась. Дверь подъезда хлопнула.

Я завёл мотор.

Я ехал сквозь пульсирующий город. Такой тёплый. Как будто внутри у него билось маленькое сердце. В отличие от моего.

Только ветер в лицо и красный свет светофора, на который мне было плевать.

Я выкрутил газ. Стрелка легла на 240. Город расплылся огнями. Где-то там, в темноте, была Лика. Где-то там был дядя Марк. Где-то там были ответы.

А пока — только скорость.

Скорость и пустота.

Втопил.

Глава 5 Пропуск больше не нужен

Дверь общаги скрипнула.

Вахта.

За стеклом сидел мужик в форме. Я его не знал. Он поднял голову, и я увидел, что ему всё равно. Ему было всё равно совершенно густо и спокойно. Я кивнул. Он кивнул. Мы поняли друг друга. Я прошёл.

Боковым зрением я зацепил алоэ на подоконнике. Сухие, скрученные листья свешивались вниз. Земля в горшке потрескалась и отошла от краёв.

Лестница. Ступени были те же — стёртые, с выбоинами, с жвачкой, втоптанной в бетон ещё до моего рождения. Я считал их автоматически: семь, восемь, девять, десять...

А ведь последний раз я видел его живым. Зимой. В феврале, кажется. Снег уже был серым, ноздреватым. Я шёл с улицы, руки замёрзли.

Тётя Лида сидела ровно. Подпёрла щеку рукой — и не двигалась. Телевизор бубнил что-то про султана и наложницу. Она смотрела не в экран — сквозь него. На столе лежала открытая пачка кукурузных палочек. Несколько штук скатились на журнал и лежали там, как маленькие жёлтые брёвнышки.

— Пропуск, Зайцев, — сказала она.

Я остановился. Достал пропуск. Протянул. Она взяла его,

поднесла к глазам. Это был ритуал. Наш ритуал.

— Молодец, — она вернула пропуск.

Я уже развернулся идти, но она качнула головой — мол, сядь. Я сел. Стул был жёсткий, продавленный тысячами задниц до меня. Она достала из-под стойки электрический чайник с накипью, который включался, только если стукнуть по боку. Стукнула. Он загудел. Достала две кружки. Одну — с трещиной, вторую — с надписью «Страшно красивая». Насыпала заварки прямо в кружки, залила кипятком. Подвинула мне кружку с трещиной. Себе взяла «Страшно красивую».

Я отхлебнул. Чай был горький. А чайники липли к зубам.

— Как Ньюрины огурцы? — спросил я, чтобы не молчать.

Она хмыкнула. Потом закашлялась — прижимая руку к груди. Когда кашель отпустил, сказала:

— Дрянь. Никогда она их не умела солить. Укропа кладёт от души, а соли жалеет.

Отхлебнула чай.

Я смотрел на алоэ за её спиной — оно тогда было ещё зелёное, мясистое, с каплями воды на листьях. Она только что его полила.

— Поедешь летом? — спросила она. — В Яр.

Я покачал головой.

— Не поеду.

— Почему?

— Нечего там делать.

Она отставила кружку. Сложила руки на столе.

— Ты знаешь, кто я, — спросила она.

— Знаю.

— Контролёры — это... чистильщики. Мы следим, чтобы заряженные не светились. Чтобы простак не видели того, чего не должны. Чтобы баланс не нарушался.

Её руки были надутыми и морщинистыми. Словно это не руки, а перчатки сверху рук.

— Когда те двое напали на тебя в переулке — я была там. Я вгляделся в неё. Очень внимательно.

— Вы?

— Когда ты их уложил, я вызвала скорую. Не бомжи. А потом, когда наши стали задавать вопросы, сказала, что видела, как на них напали какие-то отморозки. Мне поверили. Я умею врать. А те двое, — она кивнула куда-то в сторону, — они подтвердили. Им выгодно молчать.

Она допила чай. Поставила кружку на стол. Звук был глухой, как точка в конце предложения.

— Но больше я не смогу, Семён. Про тебя все знают. Знают, что ты завалил Спрингера.

— И что?

— А то, что ты опасен. За тобой придут. Когда — вопрос времени. Может, завтра. Может, через год. Но придут. Только меня рядом не будет.

Я кивнул. Она встала. Подошла к алоэ. Погладила лист зубчиками по краям. Лист дрогнул и потянулся к её руке.

— Вот, — сказала она тихо. — Даже растение понимает.

Если горшок тесен — надо расти наружу.

Она откашлялась ещё раз.

Я встал и пошёл к лестнице. Не знал тогда, что она хотела этим сказать, а уточнять казалось неуместным. Просто оставил её у окна — смотреть во двор. На снег. На голубей, которые жались к карнизу. Рука её лежала на листе алоэ. Лист чуть подрагивал под пальцами.

И вот снова эта же лестница.

Ступени.

Я прижался плечом к холодной стене и смотрел в пустоту. В коридоре было тихо. Только где-то наверху хлопнула дверь и затихли шаги.

Это было моё последнее воспоминание о ней. Потому что через неделю она умерла.

Я не знал, от чего именно. Мне не сообщили — кому сообщать? Я был никто. Просто парень, который никогда не шумел и всегда показывал ей пропуск. Я носил его с собой до сих пор, хотя его уже никто и не спрашивал. Не знаю зачем...

Я отлепился от стены и пошёл наверх. На подоконнике у вахты остался горшок с мёртвым алоэ. И больше ничего.

Глава 6 Живи быстро, умри молодым

Дверь в комнату была приоткрыта. Изнутри выпрыгивал свет. Дisko-шар. Я толкнул дверь.

Комната набита людьми. Человек десять как-то уместились в нашей тесной каморке. Пространственный парадокс.

Люди сидели на кроватях, на полу, на подоконнике. В центре, на табуретке, стоял торт. Огромный, с кремовыми розами и свечами. Свечи горели, воск капал на крем.

Стас стоял рядом, в колпаке. Увидел меня, замахал руками.

— Смотрите, это мой сосед! Он тут спит, но он не скидывался — так что кусок ему не давайте!

Я посмотрел на торт. На кремовые розы. На надпись: «Стасу 19 лет. Живи быстро, умри молодым».

Он отрезал кусок. Большой, с розой. И с вызовом сунул в рот. Прожевал. Проглотил. Потянулся за следующим.

И вдруг замер.

Захрипел. Рот открылся, но воздух не шёл. Только сипение. Лицо из красного становилось синим. Он упал на колени, опрокинул табуретку. Торт полетел на пол — крем, бисквит, свечи. Всё смешалось в белую жирную лужу.

Гости замерли. Кто-то вскрикнул. Кто-то достал телефон,

но не для того, чтобы звонить, а чтобы снимать — это сейчас такая реакция на смерть.

— Уходите, — сказал я.

Все застыли.

— Пошли все вон! Ему нужен воздух. Живо!

Они зашевелились, попятились к двери. Кто-то пытался помочь, кто-то кричал про скорую, кто-то просто бежал. Через десять секунд комната опустела. Только мы со Стасом.

Я захлопнул дверь. Задвинул стулом.

Стас лежал на полу, хрипел, царапал горло. Губы синие. Глаза вылезали из орбит. Он задыхался.

Я сел рядом.

— У тебя припадок, что ли? Может, укол какой есть? Или что с собой носят такие, как ты?

Он мотал головой. Хрипел что-то, кажется, про аллергию или сердечный приступ. Было не разобрать.

Я посмотрел на него. На его дурацкий колпак, который свалился набок. На крошки торта в уголках губ. На испуганные, молящие глаза.

Он умирал. Прямо здесь, на нашем полу, среди растоптанного торта и разлитого пива. Его губы всё синели и синели, пальцы скребли линолеум, будто пытались зацепиться за жизнь — но линолеум гладкий, за него не ухватишься. Жизнь вообще скользкая штука.

А я ничего не делал.

Сидел. Смотрел. Смотрел.

И думал, что у меня теперь внутри? Какая-то гладкость типа этого линолеума, что ли?

— Ладно, — сказал я. — Тише. Не шуми.

Я поднёс запястье ко рту. Примерился. И вгрызся.

Зубы вошли в кожу. Кровь пошла — тёмная, почти чёрная, с серыми прожилками теста.

Я поднёс запястье к его рту. Он дёрнулся, попытался отвернуться.

— Пей, — сказал я. — Да пей же!

Он уворачивался как ребёнок от ложки с невкусным. Но несколько капель всё-таки попало ему в рот!

Стас закашлялся. Перевернулся на бок. Его вырвало — пивом, кремом, бисквитом, всем сразу. Он задышал.

Я откинулся к стене. Запястье медленно затягивалось — тонкая серая плёнка стягивала края раны.

Стас вскочил. С ужасом вытер рот.

— Какого хера? — крикнул он.

— Ты жив.

Стас выдал короткое, но очень ёмкое ругательство.

— Чего ты мне в рот пихал? Я на тебя заявку напишу. Сначала нож, теперь эта...

— Отвали! Спасибо скажи.

Я встал на ноги.

Он замолчал. Что-то отплёвывал прямо на пол. Щупал языком зубы. Потрогал губы. И замер.

— Ээээ? Зайцев.

— Что?

— Это чего? У меня... клыки.

Я посмотрел. Он открыл рот. Клыки стали длиннее. Со-
всем чуть-чуть. Но он заметил.

— Тебе кажется!

Он схватил телефон, включил камеру и начал разглядыв-
вать свой рот!

Он ощупал клыки пальцами. — Зайцев, что ты со мной
сделал?!

Я не отвечал. Он внимательно посмотрел на меня. Стран-
но улыбнулся.

— Я теперь вампир, да? Я бессмертный? – он снова выру-
гался — на этот раз почти радостно.

— Не носи чушь!

Но Стас, видимо, не поверил.

В дверь постучали.

Мы замерли. Стас смотрел на меня. Я на дверь.

Стук повторился.

— Твои? — спросил я.

— Не знаю.

Я встал. Подошёл к двери. Отодвинул стул. Открыл.

За дверью никого не было. Только пустой гулкий коридор.
Я уже взялся за ручку и почти закрыл, как в щель — молча,
без стука — просунулась рука. Два пальца держали сложен-
ный листок. Рука ждала.

— Зайцеву. Телеграмма.

Я взял листок. Пальцы разжались и исчезли. Дверь мягко закрылась сама.

Буквы прыгали, будто их набивал человек с трясущимися руками. Или с когтями. Или в темноте. Или всё сразу.

«ЕСЛИ ПОЛУЧИЛ ТО Я УЖЕ МЁРТВА ТЧК ПРИЕЗЖАЙ В ЛАГЕРЬ ТЧК ЛИКА»

Я прочитал один раз. Второй. Третий.

Слова не менялись.

Где-то очень глубоко, на самом дне моей пустоты, кто-то хрустнул устрицей.

Похоже, я еду в Яр.

Глава 7 Зеркало

Я проснулся от того, что кто-то дышал мне в лицо.

Дыхание было частое, влажное, с запахом вчерашнего пива и зубной пасты. Я открыл глаза. Стас сидел на корточках рядом с моей кроватью и смотрел на меня. В руках он держал зеркало — большое, прямоугольное, в пластиковой раме. Кажется, он стащил его из ванной.

— Ты чего? — голос у меня был ещё сонный.

— Смотри, — прошептал он и разомкнул губы.

Я посмотрел. Сначала не понял, куда смотреть, но потом до меня дошло: он показывал клыки. Он явно провёл перед зеркалом не один час и теперь видел то, чего не видел никто, кроме него.

— Видишь? — спросил он.

— Что?

— Они растут. Я мерил линейкой.

Он закрыл рот, посмотрел на себя в зеркало, повернул голову в профиль, потом анфас, потом снова открыл рот.

— И ещё, — прошептал он. — Я не хочу есть. Вообще. Раньше я просыпался и сразу бежал к холодильнику. А свет...

Он кивнул на окно. Окно было задёрнуто шторами. Сквозь щель пробивалась тонкая жёлтая полоска, и Стас на неё косился с опаской.

— Мне неприятно. Не больно, но... неприятно. Как будто

кожа шелушится.

— Может, это диатез? — предположил я. — От торта.

Я сел на кровати. Спина затекла. Стас смотрел на меня. Глаза у него были красные — то ли не спал, то ли плакал, то ли просто тёр их всю ночь, разглядывая клыки.

— Зайцев, — сказал он тихо. — Я вампир, да? Скажи честно.

Я посмотрел на него. На его красные глаза. На задвинутые шторы. На зеркало в дрожащих руках. На клыки, которые выросли на полмиллиметра.

— Стас, — сказал я. — Я не хотел тебе говорить. Но да. Ты вампир.

Он выдохнул. Не то с облегчением, не то с ужасом.

— Я так и знал. Я чувствовал. Всю ночь гуглил. Симптомы сходятся. Свет, клыки, потеря аппетита. И ещё... я же пил твою кровь. Это как обращение. Я теперь твой... как это называется... вурдалак? Привратник?

— Ты упырь, — сказал я. — Но «вампир» — это универсально.

— Вампир, — повторил он с каким-то странным вкусом. — Охренеть.

Он замолчал. Потом посмотрел на меня с тревогой.

— А что мне теперь есть? Я же не могу обычную еду? Мне нужна кровь? Чья? Где брать? Убивать людей, Зайцев? Я могу, если надо!

— Вампиры могут есть колбасу, — сказал я.

— Что?

— Ну вот «Краковскую» ты жрал? В оболочке. Она достаточно солёная и жирная, чтобы напитать организм. Можешь другую любую. На первое время хватит. Потом — разберёмся.

Он кивнул. Схватился за эту мысль.

— Колбаса. Хорошо. Колбасу я люблю. А охота? Мне нужно охотиться?

— Не сейчас. Мне надо уйти на какое-то время. Когда я вернусь, я научу тебя охотиться. И превращаться в летучую мышь.

— Ты чего гонишь? — его глаза загорелись.

— Это можно, но это сложно. Не пробуй без меня. Только головой об потолок биться будешь.

Он закивал. Потом нахмурился.

— А почему ты уходишь? Куда?

— Ты пока не готов. Вернусь — расскажу.

Он снова кивнул. Посмотрел в зеркало. Потрогал клык языком.

— Зайцев.

— Что?

— Я никому не скажу. И кусать никого не буду. Ты только возвращайся поскорее.

Я встал. Натянул джинсы. Сунул плеер в карман.

— Колбаса в холодильнике осталась. Ешь. Водку не пей, она тебе вредна. И зеркало верни в ванную. Люди моются.

Он кивнул. Я вышел.

Байк ждал у обочины — блестящий, как панцирь жука. Я завёл мотор, и он зарычал, разгоняя тишину двора.

Сзади, у мусорных баков, кто-то стоял. Я не обернулся — какая, в сущности, разница. Но если бы обернулся, то увидел бы парня лет семнадцати. Прыщавое лицо, бегающие глаза, новенькая куртка курьера, которую он ещё не успел обносить. Паша. Тот самый новенький, который путался в адресах и забывал сдачу. Он смотрел на меня, как смотрят на огонь: страшно, но оторваться невозможно. Он не знал, зачем это делает. А мне было наплевать. Я выжал газ и поехал — туда, где пахло собаками и лекарствами.

Ветеринарная клиника была на первом этаже многоэтажки. Я толкнул дверь. Звякнул колокольчик.

Из глубины коридора донёсся радостный лай. Потом ещё один. И ещё. Целая стая.

— Сидеть! — раздался голос. — Место!

Лай стих. Только скулёж и стук когтей.

Я прошёл по коридору. Открыл дверь в процедурную.

Она стояла ко мне спиной. Зелёный халат, резиновые перчатки, волосы собраны в пучок, из которого выбились тонкие пряди. Перед ней на столе лежала огромная овчарка — седая морда, мутные глаза, язык свесился набок. Катя крепко держала её за лапу и что-то внимательно рассматривала — может, коготь, может, ранку.

— Сейчас. Ожидайте, пожалуйста, — проговорила она. —

Ещё минутку, и Граф будет свободен.

Овчарка стучала хвостом по столу. Ей было всё равно, что с ней делают, лишь бы гладили.

Я кашлянул. Катя обернулась.

— Сёма!

Она смотрела на меня секунду. Потом ещё секунду. Потом стянула перчатки, бросила на стол и шагнула ко мне. Обняла. Крепко. Сильно. Так, что хрустнули рёбра. И я на мгновение почувствовал себя Графом.

— Ты приехал, — сказала она.

— Приехал.

Она отстранилась. Посмотрела на меня. Глаза блестели.

— Ты изменился.

— Ты тоже.

Она улыбнулась. Кивнула на овчарку.

— Это Граф. Постоянный клиент.

Граф стукнул хвостом. Катя потрепала его по голове, и он зажмурился от счастья.

— Они все меня слушаются, — сказала она. — Не знаю почему.

— Я решил ехать в Яр, — сказал я прямо.

Она замерла. Потом кивнула.

— Я знала, что ты приедешь. Знала, что скажешь это.

— Поедешь со мной?

Она улыбнулась.

— Поеду. Только смену сдам.

Смену она сдала быстро, и вскоре мы уже поднимались по лестнице к её съёмной квартире.

Комната у Кати была маленькая, на самой окраине, где дома уже кончались и начинались пустыри. Но светлая — окно во всю стену, и в него лилось закатное солнце. Стены были заклеены эскизами: дома, мосты, арки, лестницы. Где-то — просто линии, пересекающиеся под странными углами, как будто она ещё не решила, что именно рисует, но уже знала, что это будет красиво. Где-то — почти готовые проекты, с тенями, с пропорциями, с маленькими человечками у входа для масштаба. Человечки были как живые: стояли и смотрели на свои будущие дома, ждали, когда их наконец построят и можно будет зайти, повесить куртку.

На столе лежали трубы с чертежами.

— Поступаю, — сказала Катя. — В архитектурный. Я сделала всё, что могла. Теперь жду результаты.

Она стояла посреди комнаты. Солнце падало на её лицо, на руки, на эскизы на стенах.

— И что теперь? — спросил я.

— Ничего. Результат придёт через две недели. Я уже ничего не могу изменить. Просто ждать.

Она провела пальцем по краю стола.

— И в этот момент появляешься ты, — сказала она. — Говоришь: «Поехали в Яр». Как будто знаешь, что мне нужно куда-то ехать, чтобы не сойти с ума. Когда поедем?

— Автобус в четыре. С площади Трёх Вокзалов.

Она нахмурилась.

— Сём. Автобус через десять минут уедет.

Стрелки настенных часов показывали без десяти четыре. Я перевёл взгляд на Катю. Она уже собиралась переодеваться в домашнее.

— Успеем, — сказал я. — Собирай сумку.

Две секунды она обрабатывала информацию, потом схватила куртку, сунула в рюкзак трусы и футболки, зубную щётку в футляре с отломанным краем, прокладки в шуршащей упаковке. Остановилась на секунду, оглядела комнату — эскизы на стенах, солнце на полу. Потом выдохнула и шагнула к двери.

Глава 8 Архитектура мира

Я заглушил мотор на парковке Трёх Вокзалов. Катя слезла с сиденья, стянула шлем. Волосы упали на плечи — она отрастила их за год.

— Успели, — сказала она, глядя на вокзальные часы. — Без трёх минут.

Пустырь за гостиницей был пуст. Только ветер гонял старый чек. Чек был длинный, из супермаркета, и ветер таскал его по кругу, как будто пытался прочитать.

Я подошёл к витрине. Той, где год назад впервые увидел автобус. Стекло было грязное, в разводах, с трещиной в углу. Посмотрел в отражение.

Пустырь. Ветер. Никакого автобуса.

— Может, ещё не подъехал? — спросил я. — Или уже уехал.

Катя стояла рядом. Она смотрела в стекло, и между бровей у неё залегла складка.

— Мать говорила, он никогда не опаздывает и раньше не уезжает. Ни на минутку. Он не человек, Сём. Он... часть маршрута.

Она замолчала. Ветер дёрнул чек, и тот снова взлетел, закружился, ударился о витрину и прилип к стеклу прямо перед моим лицом. Сумма была внушительная. Кто-то закупился основательно. Сыр, фрукты, мясо, хлеб, водка, пече-

нье, снова сыр. Я подумал: интересно, этот человек ещё жив? Или чек пережил его и теперь летает по площади, как свидетельство, что тот умер от обжорства.

Катя перевела взгляд на меня.

— Раз уж мы здесь, — сказала она, — и автобуса нет... пойдём.

— Куда?

— К матери. Она живёт рядом. Десять минут пешком. Заодно поедим.

Она развернулась и пошла через площадь. Я — за ней.

Мы шли дворами. Старые пятиэтажки, ржавые гаражи, детская площадка с покосившимся грибком.

И всё это время я чувствовал на себе взгляд. Это был тот курьер Паша. Быстрый Паша.

Катя остановилась у подъезда. Набрала номер домофона. Гудок. Ещё гудок.

— Мам, это я. Открой.

Подъезд зелёный. Лифта нет. Мы поднялись пешком. Четвёртый этаж. Дверь смотрела на нас глазком.

Катя толкнула дверь. Та была открыта.

На стенах висели фотографии. Катя маленькая, с бантами. Катя постарше, с рюкзаком. Катя совсем взрослая. И на всех — она одна. Ни отца, ни братьев, ни сестёр.

На кухне горел свет. Оттуда пахло сладким.

— Катюша? — раздался голос.

Мы прошли на кухню.

Она сидела за столом. Широкие плечи, седые волосы. Лицо... мощное. Скулы, как у Кати. Глаза — тёмные, глубокие, с золотыми крапинками. Морщины, но не старческие — такие, какие бывают у людей, которые много смеялись. Или много хмурились. Или и то, и другое, в зависимости от ситуации.

Она посмотрела на меня. Не на Катю.

— Это Рамир? — спросила она.

— Нет, мам. Это Семён.

Мать поморщилась.

— Садитесь. Какао будете?

Мы сели. Она разлила какао по кружкам.

— Я Вера, — сказала она. — Можно просто тётя Вера.

— Тётя Вера, — обратился я, — мы, собственно, к вам по делу.

Она поставила кружку. Сложила руки на столе. Руки у неё были большие, сильные, как у Кати. Только старше. Кожа в пигментных пятнах, суставы чуть припухшие.

— Автобус не пришёл? — спросила она.

— Да, — ответила Катя. — Мы ждали. Ничего.

Вера кивнула. Будто ожидала этого.

— Об этом болтают. В Яру сейчас беспокойно. Там инспекция. Контролёры работают. Они могли отменить рейс.

— Из-за чего? — спросил я.

— Не знаю. Я там не бываю.

Она покрутила кружку в пальцах.

— Я же ушла от заряженных, когда поняла, что Катя родится. Думала, вырастет обычной. Без всего этого. Без силы, без теста.

В её глазах была нежность. И вина. Такая старая, застарелая вина, которую уже не исправить, можно только носить с собой, как горб.

— Не вышло, — сказала Катя тихо.

— Не вышло, — согласилась Вера. — Я поняла это, когда ты слишком сильно дёрнула и сорвала дверь с петель.

Она потёрла свои опухшие пальцы.

— В Яру много чертовщины творится. Евграфыча хотят сместить, — сказала она. — Да и ты шуму в том году понаделал.

— Спрингер, — догадался я.

Она кивнула. Часы на стене тикали.

— Автобус не пришёл, значит, вас там не ждут. Это ясно... — сказала она. — Но если уж собрались туда, то есть другие пути.

— Какие? — спросила Катя.

Вера посмотрела на неё. Потом на меня. Потом снова на Катю.

— Есть кое-кто. Его называют «кооператор».

— Где его найти? — спросил я.

— Он сам вас найдёт. Поверьте.

Она подошла ко мне. Положила руку на плечо. Рука была тяжёлая, тёплая. Как у Кати. Только старше.

— Ты хороший, Семён. Я вижу. Будь осторожнее. Ты последний Зайцев, и это многим не даёт покоя.

Она убрала руку. Взяла свою кружку и пошла к раковине. Включила воду.

И в этот момент у Кати завибрировал телефон.

Она достала его. Лицо её изменилось.

— Что там? — спросил я.

Она молча повернула экран ко мне.

Сообщение. Без номера:

«ТРАНСПОРТ ОЖИДАЕТ ВАС!»

Катя вскочила. Схватила рюкзак.

— Мам, нам пора.

Вера обернулась от раковины. Вытерла руки полотенцем. Подошла к Кате. Обняла её. Крепко. Долго. Катя уткнулась лицом в её плечо, и я видел, как пальцы Веры гладили её по голове.

— Береги её, Семён. Она сильная. Но даже сильным нужно, чтобы их берегли.

— Постараюсь.

Она кивнула на дверь. Мы вышли.

Дверь подъезда хлопнула за спиной.

Во дворе пахло сиренью. Старый куст разросся у подъезда, и его ветки тыкались в окна. Цветы были белые, мелкие, и пахли так сильно, что кружилась голова.

Посреди двора стоял... автомобил!

Огромный, блестящий, непонятно как втиснувшийся сю-

да.

Двери нараспашку! Тонированные окна, хромированные колпаки на колёсах. На боку — надпись будто на круизном лайнере: «БРО-МОБИЛЬ».

Рядом с автомобилем стоял некто.

Пропорции нечеловеческие. Широкие плечи, слишком длинные руки, слишком мощная шея, уходящая в ворот гавайской рубашки. Рубашка была ярко-жёлтая, с синими пальмами — кричащая, как закат над морем, которого в этих местах никто никогда не видел. Шорты до колен, открывающие ноги, покрытые густой тёмной шерстью. На ногах — шлёпанцы. Под шлёпанцами — белые носки.

Но даже сквозь носки предательски торчали когти.

На голове панама. Широкие, обвисшие поля.

На лице — очки-авиаторы. Зеркальные. В них отражался весь двор: сирень, покосившийся грибок на детской площадке, мы с Катей — две маленькие фигурки на фоне серой пятиэтажки.

Он улыбался. Улыбка была широкая, белоклыкая, почти голливудская — если бы не такая жуткая.

Он снял очки.

— Тоха! — выдохнула Катя.

Глава 9 Бро-мобиль и его тайны

Автодом катил по трассе.

Катя сидела в пассажирском кресле, поджав ноги, и рассматривала салон. Я сидел сзади, на диване. Диван был из тех, что раскладываются в кровать, если знать, где потянуть. В углу у плиты стоял крошечный горшок с лавандой, и её аромат смешивался с густым запахом дерева. Вокруг не было пластика — только шероховатости и трещинки на лаке и ощущение полной безопасности. Казалось, стоит задернуть плотную портьеру, отделяющую кабину, и весь остальной мир с его суетой просто перестанет существовать.

— Тоха, — сказала Катя, проводя пальцем по деревянной панели на стене. — А откуда у тебя это всё?

Тоха оживился. Уши встали торчком.

— А вот это, — он понизил голос и оглянулся, хотя в салоне никого, кроме нас, не было, — отдельная история. По документам — переделанный «Додж» 98-го. По факту... есть нюансы.

Он сделал паузу, явно наслаждаясь эффектом.

— В общем. Есть один мужичок. Не из нашего комьюнити, но с пониманием. Раньше на заводе работал. Ещё при Союзе. Там делали... скажем так, спецтехнику. Для узкого круга лиц. Потом завод схлопнулся, архивы списали, а мужичок — остался. Сидит в гараже, трудится. Я его через свои кана-

лы нашёл.

Он нажал кнопку на приборной панели. Из-под руля с мягким жужжанием выехал поднос. На подносе стояли две кружки. Чай. Горячий. С лимоном.

— Сами заварились, — сказал Тоха буднично. — У него там какая-то фича с нагревом. Не спрашивайте.

Катя взяла кружку. Понюхала. Отхлебнула. Глаза у неё стали круглые.

— Это... бергамот?

— Ага. Я его не заказывал. Оно само. Каждый раз новый вкус. Утром был с мятой. В обед — с чабрецом. Один раз вообще пива налил.

Я оглядел салон. Деревянные панели на стенах были не просто обшивкой. На них, если присмотреться, проступали узоры изнутри. Линии, круги, что-то похожее на карту звёздного неба.

— А это что? — спросил я и показал пальцем, хотя и так было понятно, что я про панели.

— Навигация, — Тоха смотрел на дорогу, и затылок у него был спокойный. — Не трогай. Оно само прокладывает маршрут. Иногда — не тот, который я хочу. Но всегда — тот, который нужен.

Катя провела рукой по потолку. Из деревянных пазов шло тусклое сияние.

— Подсветка? — спросила она.

— В общем, тема там такая. Мужик этот, который тачку

строил, он с тестом работал. Не как мы — по-другому. Он его в материалы вплавлял. В дерево, в металл, в ткань. Говорит: «Тесто — оно живое. Оно хочет быть полезным. Надо только понять, куда его пристроить». Ну и пристроил. Кулибин! Поняли?

Он похлопал по рулю.

— Так что это не просто автодом. У нас с ним... симбиоз. Мой бизнес теперь. Я кооператор. У меня репутация.

Катя откинулась в кресле. Оно само подстроилось под её спину — мягко, с тихим скрипом кожи.

— Я бы тоже хотела такой дом, — сказала она мечтательно, и в этом «тоже» было столько девчачьего, что я на секунду увидел её не как Катю, которая может дать в лоб, а как маленькую девочку, которая хочет, чтобы у неё тоже был домик на колёсах.

— Ага, — хмыкнул Тоха. — Очередь на два года. И это если он в настроении. А если не в настроении — может вообще не открыть гараж. Сидит там, в потолок плюёт.

Дорога уходила под колёса — серая лента, расчерченная белыми полосами. Ветер бил в лобовое стекло, но в салоне было тихо — как будто мы сидели не в машине, а в комнате.

— Тоха, — сказал я. — А ты не в курсе, что в Яру происходит?

Его уши медленно опустились.

— А вот это, — он поднял коготь и сделал драматическую паузу, — самый интересный вопрос. Есть инфа, что там...

неспокойно. Одна птичка напела...

Он сбросил скорость. Автодом мягко покатился по обочине и остановился. Двигатель затих. В салоне стало слышно, как тикают часы. Я оглянулся — откуда тикают? Под толком висели настенные часы с гирями.

— Слушайте, — сказал Тоха, и уши его легли на затылок, как ложатся уши у собаки, когда она чует грозу. — Это не просто так. То, что случилось в коллекторе... когда ты, Сём, сделал то, что сделал... это привлекло внимание компетентных структур.

Он развернулся к нам лицом, и глаза его смотрели серьёзно — так серьёзно, как вообще могут смотреть глаза на мохнатой морде.

— Эти же люди меня отлавливали, когда я ограничитель потерял. Контролёры. Они теперь знают, что Спрингера больше нет. И знают, кто его завалил.

— Может, тогда туда не соваться сейчас? — спросила Катя.

Я помолчал. Полез в карман, достал сложенный листок.

— Я вам многое не сказал.

Протянул Кате. Она развернула, пробежала глазами. Губы дрогнули — не поймёшь, усмешка или гримаса. Молча передала Тохе и отвернулась к окну.

— Это может быть ловушка, — Тоха дочитал телеграмму.

— Знаю.

— И ты всё равно хочешь туда сунуться?

Я посмотрел на него. На Катю — она по-прежнему не обращивалась.

— Я узнаю правду только в Яру, поэтому еду. Но сначала нужно Ночные Ряды. Год назад на меня напали двое. Заказ пришёл из Ночных Рядов.

Я сунул листок обратно в карман.

— В детдоме у меня был опекун. Дядя Марк Корсак. Вернее, я думал, что он мой опекун. А он оказался больным ублюдком, который убил моих родных. И скорее всего, это он заказал меня год назад.

Я снова говорил не всё. Про брата — молчок. Про то, что я сожрал его заживо в коллекторе — тоже. Не сейчас. Может, вообще никогда.

— Я не знаю, что мы там найдём. Я пойму, если вы не хотите в это ввязываться.

Тоха развёл лапами — широко, по-честному.

— У меня репутация, бро. Я решаю сложные вопросы. Ну и к тому же — если я тебя кину, ты опять ввяжешься в какие-нибудь неприятности. А я потом сиди и думай: где Сёма? Что с Сёмой?

Катя отвернулась от окна.

— Он уже ввязался в неприятности, Антон. А значит, и мы вместе с ним. Едем.

— Есть нюанс, — сказал Тоха. — Ночные Ряды существуют только ночью. Сейчас день. Ехать смысла нет. Будем ждать.

Кемпинг. Тихий и пустой. Только ветер гулял, раскачивал табличку с палаткой.

Тоха заглушил двигатель. Автодом вздохнул, осел на ресорах и затих. Лампы под потолком погасли не сразу — медленно, как будто нехотя, уступая темноте.

— Всё, — сказал Тоха. — Отдохнём, а потом в Ночные Ряды.

Катя задремала в пассажирском кресле.

Тоха лёг на диван, свернулся калачиком и затих.

Я остался сидеть.

БУХ.

Я вздрогнул. В автодоме было тихо. Тоха храпел. Катя дышала ровно. Ветер снаружи стих, как будто тоже прислушался.

БУХ.

Звук шёл изнутри. Из багажного отсека.

Тоха не шелохнулся. Катя приоткрыла рот, сжав кулак под щекой.

БУХ. БУХ.

Я встал. Босиком, стараясь не скрипеть паркетом. И да, меня это тоже удивило — в машине был паркет, и если бы я вам ещё рассказал про хрустальную люстру под потолком, вы бы, наверное, вообще решили, что я шучу, но люстра была, и она тихо позвякивала подвесками в такт стуку.

Вышел наружу.

Багажный отсек как у туристических автобусов. Большая

дверь с хромированной ручкой.

БУХ.

Теперь звук был ближе. Глуше.

Я отодвинул щеколду. Люк открылся бесшумно. Там была темнота. Я пригляделся.

Багажный отсек был забит хламом. Запасное колесо, ящик с инструментами, канистра, какие-то коробки, перетянутые скотчем, а в дальнем углу, у самой дальней стенки, кто-то сидел.

Я видел только силуэт. Скрюченный, как будто человек пытался занять как можно меньше места. Он не двигался. Я чувствовал его взгляд.

Из отсека воняло.

— Кто здесь? — спросил я.

Силуэт молчал. Мой плеер молчал. Тишина. Потом шорох. Некто пошевелился, и в темноте блеснули белки глаз.

— Это я, — прошептал сдавленный голос. — Паша. Я... я тут... залез. Случайно.

Глаза привыкли к темноте. Он смотрел на меня. Его лицо казалось серым, неживым. Губы дрожали. На подбородке блестела слюна. Или сопли. Или и то, и другое.

— Паша? — спросил я. — Как ты сюда попал?

Он заговорил. Быстро. Сбивчиво. Проглатывая окончания.

— Я... я следил. За вами. Сначала просто смотрел. На базе. Вы приезжали, я записывал. Время, маршрут, настрое-

ние. «День первый. Объект выехал в 8:47. Предположительно — на Южную». Я не маньяк. Честно. Просто... вы легенда. А я никто. И я подумал: если я буду как вы, может, и я стану кем-то.

Он перевёл дыхание. Вытер нос рукавом.

— А потом вы поехали с девушкой. Я за вами. Вы в подъезд, я. Ждал. Потом вы вышли и пошли во двор. А там — этот. Автодом. И он... он был открыт. Багажник. Нараспашку. Я подумал: это судьба. И залез.

Он прервался, чтобы набрать воздуха.

— Я не хотел ничего плохого. Я просто хотел... посмотреть. Как вы живёте. Куда едете. Что делаете. Может, потом, не сейчас, конечно же... по встречной проехать, чтобы на базе говорили: «Паша сумасшедший. Паша самый быстрый». Понимаете?

Из горла вырвался всхлип. Прыщи на его лице дрожали. Глаза мокли. Руки сжимали что-то.

Я не чувствовал ничего. Только усталость. И странное, почти забытое: «Он, наверное, умрёт здесь. Если просто захлопнуть дверь и оставить в багажнике — умрёт».

— Ладно, — сказал я. — Вылезай. Сейчас домой поедешь.

Он начал выбираться из своего угла, цепляясь за коробки, за канистру, за колесо.

И в этот момент сзади скрипнула ступенька.

Паша замер. Поднял голову. Посмотрел мне за спину.

Там кто-то шёл. Фигура. Кривая. Мохнатая. В трусах!

Свет луны падал сзади, очерчивая широкие плечи, длинные руки, уши, которые стояли торчком. Глаза горели.

Тоха.

— Сём? — прорычал он.

Паша не дышал.

Он смотрел на Тоху.

На его мохнатую морду.

На когти.

Время остановилось.

А потом Паша заорал как чёрт. Как будто его резали. И одновременно с криком он схватил с пола первое, что попалось под руку, размахнулся и швырнул.

Домкрат.

Он описал дугу в лунном свете — красиво, почти медленно, — и приземлился Тохе прямо в лоб.

Звук был такой... ТЮК! Знаете, когда металл бьётся об кость.

Тоха моргнул. Покачнулся. Поднёс лапу ко лбу.

— Бро... — промычал он замедленно. — Ты чего?

И рухнул.

Глава 10 Глава категории «С»

Тоху приложило сильно. Шишка на лбу уже приняла цвет спелого баклажана. Он лежал на диване и громко охал. Так охают люди, которые хотят, чтобы все вокруг немедленно прониклись масштабом их страданий, но пока ещё не умирают по-настоящему.

Катя сидела рядом, на краешке, и держала в руках ватку, пропитанную чем-то коричневым и резко пахнущим. Йод. Или что там у Тохи нашлось в аптечке. Скорее всего, какая-то особая ветеринарная смесь, потому что воняло, будто в автодоме разлили цистерну спирта.

— Тише, тише, — приговаривала Катя, осторожно прикладывая ватку ко лбу. — Немножко пощиплет — и всё.

Тоха дёрнулся и зарычал наподобие раненого зверя.

— Жжётся! У меня проплешина останется! Убери эту кислоту! Я требую нормального врача!

— Лежи смирно, — Катя надавила ему на плечо, и Тоха, как ни странно, послушался.

Паша сидел в кресле возле телевизора, поджав ноги к груди. Его трясло. Мелкой, противной дрожью. Глаза бегали: на меня, на Катю, на Тоху, на деревянные панели с узорами, на часы с гирями, снова на меня.

Тоха приподнял голову, поморщился от боли. Взгляд его упёрся в Пашу.

— Это что за беспредельщик?

— Это Паша, — сказал я. — Он курьер с моей базы.

— Какого хера он тут делает?

— Он... мой фанат.

— Фанат? — Катя оторвалась от обработки раны и посмотрела на Пашу с интересом, как на новый вид животного.

— Фанат, — подтвердил Паша, и голос у него дрожал, но в нём прорезалась какая-то нечаянная гордость. — Я за ним слежу. Ну, в смысле, наблюдаю. Учусь. Он легенда. А я... я тоже хочу. Но он сказал, что я умру, если поеду по встречной. А я подумал: если и умру, то какая разница. Может, научусь не умирать?

Тоха закрыл глаза. Медленно. Открыл. На лбу у него налилась шишка размером с куриное яйцо.

— А в багажнике ты как оказался?

— Ну... я это... уже говорил... Я поехал...

— Неважно, — перебил я. — Важнее, что теперь с ним делать.

Паша затрясся сильнее. Глаза стали совсем круглые.

— Я предлагаю посадить его, — сказал Тоха, не открывая глаз. — Пусть идёт пешком в свой город. К мамке. Под крылышко. Там ему самое место.

— Нельзя, — сказала Катя твёрдо. — Ночь. Трасса. Он один. Это небезопасно.

— Да что с ним сделается? — Тоха снова приподнялся, но Катя надавила ему на плечо, и он рухнул обратно. — Мы

едем в Ночные Ряды, а не на пикник! У нас темы! Если застрянем тут, ждать потом целый день. Пусть валит!

— Высадим после Ночных Рядов, — сказал я спокойно.
— Он уже знаком с тобой, а значит, там он ничего нового не увидит.

Паша всхлипнул. Не возражал.

— Бро, а может, того? — Тоха чиркнул когтем по горлу.
— Скипнем его? Ты ж со Спрингером разобрался. И с этим разберёшься.

Мы все услышали, как Паша завыл в этот момент.

— Никаких скипаней! — сказала Катя. — До города. А потом отправим домой.

— До какого города? — взвыл Тоха. — До Ночных Рядов? Да вы совсем, что ли? Это же не место для... для простаков!

— Я могу даже сам вести, — сказал Паша. — Если потребуется.

Тишина вдруг образовалась такая напряжённая, что слышно было, как часы с гирями под потолком отсчитывают секунды.

— Чего? — Тоха сел, забыв про больную голову. Глаза его налились кровью, и было это как в мультфильмах, когда голова персонажа сейчас взорвётся. — Чего ты сказал?

— Я могу вести, — повторил Паша, но уже, кажется, понял, что ляпнул что-то не то. — Автодом. У меня права есть. Категория С.

Он полез в карман джинсов, достал кошелёк на липучке,

раскрыл и вытащил пластиковую карточку. Протянул дрожащей рукой.

Тоха выхватил права, поднёс к глазам, всмотрелся.

— Ты как мог в голову себе такое придумать? — заорал Тоха и попытался встать. — Чтобы я? Тебе? Бро-мобиль! Щёчки сдуй и пиз...

Он попытался встать, и его повело. Глаза закатились, колени подогнулись, и он рухнул обратно на диван, как подкошенный. Лапы разъехались в стороны, голова мотнулась. Он лежал и смотрел в потолок, часто моргая. Шишка на лбу пульсировала.

— Встать не могу, — признал он глухо. — Всё плывёт.

Катя посмотрела на меня. Я — на неё. Паша смотрел на всех по очереди и трясся, но в глазах его, где-то глубоко, под слоем страха и слёз, горел маленький, но упрямый огонёк.

— Он поведёт, — сказал я.

— А-а-а-а?! — взревел Тоха, но даже рёв вышел какой-то жалкий, сдавленный.

— Ты будешь дорогу ему подсказывать.

Тоха закрыл глаза. Долго лежал молча. Потом, не открывая глаз, процедил сквозь зубы:

— Если он поцарапает. Если хоть что-то... Хоть как-то... Я его в Ночных Рядах продам. На органы.

Паша закивал так быстро, что голова чуть не отвалилась.

— Понял. Не поцарапаю. Буду аккуратно. Меня так и звали в школе — Паша-Аккуратист. Ну, не совсем так, но по-

хоже.

Катя помогла Тохе устроиться поудобнее — подложила под голову подушку, накрыла пледом. Тоха лежал и страдал. Иногда он приоткрывал один глаз и смотрел на Пашу с лютой ненавистью, но молчал.

Паша сел за руль.

Он был смешон. Маленький, щуплый, он смотрелся в огромном водительском кресле, как ребёнок, которого посадили за взрослый стол. Руки дрожали, когда он взялся за руль.

Но когда он повернул ключ зажигания и двигатель зарычал, что-то в нём изменилось. Плечи расправились. Подбородок приподнялся. Глаза перестали бегать и сосредоточились на дороге.

Он плавно выжал сцепление. Автодом тронулся — мягко. — Хорошо идёт, — пробормотал Паша. — Подвеска мягкая. Коробка чёткая. Угол обзора отличный.

Тоха сзади застонал.

— Козёл! Господи, за что мне это...

— Молчи, — сказала Катя. — Тебе полезно помолчать.

Мы выехали на трассу. Ночь была чёрная, беззвёздная. Фары выхватывали из темноты серый асфальт, белую разметку, редкие придорожные столбы. Паша вёл ровно. Аккуратно. Даже слишком аккуратно — скорость держал шестьдесят, хотя автодом мог идти быстрее.

— Быстрее можно? — спросил я.

— Можно, — сказал Паша. — Но не нужно. Ночь. Трасса. Вдруг лось выскочит. Или яма. Я отвечаю за пассажиров.

Тоха сзади издал звук, похожий на предсмертный хрип.

— Он отвечает... Он отвечает за пассажиров... А домкратом по лбу — это он не отвечал...

— Извините. Я случайно, — пискнул Паша. — Я испугался. У вас морда была... нечеловеческая. Я думал, вы меня съедите.

— Козёл, — повторил Тоха.

Мы ехали около часа. За окнами тянулись поля, перелески, редкие огни далёких деревень. Тоха иногда подсказывал на поворотах — бурчал что-то типа «тут налево» или «держи правее, там колдобина». Паша слушался.

Я смотрел вперёд. На дорогу. На белую разметку, которая убегала под колёса.

На приборной панели замигала лампочка. Зелёная, но очень тревожная.

— Что это? — спросил Паша.

— Выключай фары! — скомандовал Тоха, мгновенно забыв про больную голову. Он сел, вцепившись лапами в подлокотник.

— Как это? — не понял Паша. — Там же ничего не видно будет!

— Вырубай фары и резко влево!

— Там нет поворота! — крикнул Паша, вглядываясь в темноту. — Там овраг!

Но я уже всё понял. Я видел это раньше.

Я подпрыгнул к рулю. Схватился за него поверх Пашиных рук. И резко крутанул влево.

Паша завизжал. Тонко, пронзительно, как поросёнок.

Автодом полетел в овраг.

Но вместо удара о землю навстречу нам бросилась белая волна тумана. Густая, плотная, живая. Она раскрылась своей пастью, и мы нырнули прямо в неё.

— Фары! — заорал Тоха. — Врубай фары!

Туманное тесто разинулось шире, готовое поглотить нас целиком. Я щёлкнул переключателем — и фары погасли.

Мы оказались в крошечной тьме.

Но удара не было.

Мы как будто всё летели и летели. Дольше, чем нужно. Дольше, чем позволяла физика. Автодом гудел, вибрировал, но не падал. Он скользил сквозь пустоту, как по невидимым рельсам.

А потом колёса мягко коснулись земли.

Машина приняла чёткое горизонтальное положение, рессоры качнулись и замерли. Мы стояли на пригорке.

Паша сидел, вцепившись в руль. Мне показалось, что расширь он ещё немного свои глаза — и они просто выкатятся.

— Заглуши, — сказал я.

Он заглушил. Тоха сзади шумно выдохнул и рухнул обратно на диван.

— Ненавижу этот вход, — пробормотал он.

Мы вышли из автодома.

В лицо лизнул ветер — тёплый, пахнущий чем-то сладким и пряным. Корицей. Или кардамоном. Или чем-то ещё, чему нет названия в человеческом языке.

Внизу, в долине, сиял город.

Ночные Ряды.

Сотни огней. Разноцветные, живые, они дышали в такт чему-то огромному, что пряталось под землёй. Крыши домов торчали в разные стороны, будто острые зубы. Трубы дымили разноцветным дымом — синим, зелёным, фиолетовым, — и дым этот поднимался в небо и там, наверху, сплетался в причудливые узоры, похожие на письма. Я подумал, что это какие-то объявления или новости, но читать их могли только местные.

Паша стоял рядом со мной. Он вышел последним и теперь смотрел вниз, на город, открыв рот. Ветер трепал его волосы, раздувал футболку.

— Извините? — прошептал Паша, глядя на город. — Я давно хочу спросить, а Антон он вообще кто?

Глава 11 Ухожу в штопор

Мы спустились с пригорка.

Автодом остался наверху. Тоха сказал, что отлежится и что Бро-мобиль о нём позаботится, так что я не беспокоился. Я вообще последнее время беспокоился с той же частотой, с какой люди думают о своём языке, который вечно ищет во рту удобное место и никак не находит.

Катя шла впереди. Плечи расправлены, шаг широкий. Рядом семенил Паша. Он больше не трясся, но глаза у него остекленели. Он смотрел вперёд и, кажется, забывал моргать.

Ночные Ряды ударили в нос. Палёная карамель. Мокрая псина — не та, что греется у подъезда, а та, что живёт в подворотнях и знает, где лежат кости. Узкая улочка стиснула нас прилавками и утянула вниз, в самую гущу разноцветных огней. Над головой, на верёвках, натянутых между крышами, сушилось что-то, напоминавшее шкуры — может, и шкуры, а может, и что похуже.

У первого прилавка сидела старуха в платке. Перед ней на тряпице были разложены зубы, видимо, товар пользовался спросом год от года.

— Свежие клыки! — заверещала она, заметив нас. — Мальчик, купи маме подарок!

Паша замер. Уставился на товар. Челюсть у него слегка

отвисла.

— Это... человеческие? — прошептал он.

— А тебе какие надо? — старуха ослабилась, показав дёсны, в которых сидели не все зубы.

Я взял Пашу за плечо и развернул в нужную сторону.

Дальше — больше.

Чайный гриб-шептун в трёхлитровой банке. На марле, закрывавшей горлышко, было выведено зелёнкой: «Предсказатель». Мужик в трениках сидел над ним и шептал, прижавшись губами к марле. Гриб шевелился.

Таблетки «Ускоритель пятилетки». Упаковка с серпом и молотом. Двадцать четыре часа без сна. Побочка — понос. Я представил, как кто-то принимает и не может остановиться работать, даже если понос уже случился. Лучше б не представлял.

Журнал «Техника советской молодёжи» за 2026 год. На обложке — чертежи термоядерного самовара-скоровара. «Кипятит воду за 0.3 секунды. Чай за мгновение или водородный бабах?».

— Товарищ Зайцев!

Голос вынырнул из щели между палатками — Векшин собственной персоной. Всё тот же — тощий, лысый, в пенсне на верёвочке. На шее по-прежнему висели провода, и они слабо светились в темноте, пульсируя в такт чему-то.

— Знал, что снова встречу тебя, — сказал он, подходя ближе.

Катя насторожилась. Паша разглядывал провода.

— Здравствуйте, — сказал я.

Векшин обошёл меня по кругу, как в первый раз. Прищурился. Заглянул в лицо.

— Плеер при тебе?

Я достал «Голдстар». Протянул ему. Он взял его бережно, как берут живое существо. Повертел в пальцах, поднёс к уху, послушал.

— Хорошенький, — сказал он. — Ты им доволен?

— Я не понял, как он работает, — ответил я. — Сначала видение было. А потом я сунул кассету Евграфыча — и там просто музыка. А потом плеер предупреждает об опасности — и снова молчит. Что не так? Почему он то показывает, то молчит, то предупреждает?

Векшин усмехнулся. Так усмехается учитель, когда ученик наконец задал правильный вопрос. Тот, который надо было задать с самого начала.

— Ты всё ещё рассуждаешь как простак, — сказал он.

— Что?

— Люди раньше похитрее были, чем сейчас. И вещи были похитрее. Пылесосами белили стены, в колготках лук хранили, а про газеты я вообще молчу. И твой плеер — он из той же породы. Он живёт. Вещь должна быть с секретом, иначе это не вещь, а так — пластик.

Он покрутил провод на шее. Тот мигнул синим.

— А как ваш галстук? — перевёл он взгляд на Катю.

Катя машинально коснулась галстука на груди.

— Держит, — сказала она коротко.

— Вот и славно. И ваш... — Он хотел сказать что-то Паше, но замер.

Паша стоял чуть позади. Он не смотрел на Векшина — он смотрел в землю, считал булыжники. Но Векшин смотрел на него — долго, пристально, как смотрят на рентгеновский снимок, где проступило что-то, чего быть не должно.

— А ты... — запнулся Векшин.

Паша поднял голову. Их взгляды встретились.

— Я? — пискнул Паша.

Векшин помолчал. Потом тряхнул головой, будто отгоняя муху.

— Ничего, — сказал он. — Идите. У вас дела. У меня тоже.

Мы пошли дальше, вниз по улице, туда, где гудела толпа и дети шныряли под ногами.

Паша шёл и молчал. Мне это нравилось. Не надо объяснять.

Улица вильнула и вывела нас на небольшую площадь. Посередине стоял покосившийся фонтан без воды. В нём сидел мужик без ноги и в тельняшке. Он играл на баяне. Мелодия была знакомая — «Мурка», — но сыгранная наоборот, и от этого казалось, что мир сейчас схлопнется в точку.

И тут я увидел их.

Хромой. Воротник.

Они стояли у фонтана, как будто ждали чего-то. Но точно не меня. Хромой всё так же хромал. Воротник держал голову неестественно прямо, но жабры под тканью пульсировали — теперь, когда я знал, что они там, я всё время обращал на них внимание.

— Здорово, бандиты! — окликнул я.

Они испуганно оглянулись на голос.

— Зайцев? — прохрипел Хромой. — Мы ещё не...

— Вы узнали, что я приказал?

— Я же говорю тебе. Мы договорились о встрече. — Он сплюнул на землю. Слюна была тёмная, с кровью. Кому-то пора лечить стоматит. — Бармен в «Стоячке». Он там прямо сейчас. Ждёт.

Воротник подал голос — тонкий, сиплый, как проколотая шина:

— Он злится. Нам лучше бы вообще там не показываться. Я посмотрел на Катю.

— Кто это? — шепнула она.

— Они работают на меня, — ответил я нарочно громко, чтобы слова долетели не только до Кати, но и до них. — У них должок. Да, мужики?

Они оба потупили взгляд.

Катя смотрела удивлённо, а Паша смотрел в землю и опять считал булыжники — теперь уже, наверное, дошёл до второй сотни.

— Ничего не бойтесь, — сказал я. — Пойдём туда вместе.

Рюмочная оказалась именно тем, чем и должна быть рюмочная.

Три ступеньки вниз. Дверь, обитая поролоном. Пахло перегаром.

Плеер дёрнулся в кармане. Я накрыл его ладонью. Тихо. Я знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.